

УДК 316.3(477)

ТАТЬЯНА КАМЕНСКАЯ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И.Мечникова

Интрига как рациональная форма обобществления знания

Аннотация

Статья предваряет перевод фрагментов докторской диссертации современного немецкого социолога Рихарда Утца “Социология интриги”. В соответствии с принципами формальной социологии Г.Зиммеля автор рассматривает специфику оформления знания (на чувственной и рациональной основах). В качестве чувственных в своей основе форм знания выделяются любовь, дружба, семья, в качестве рациональных — наука, социальные организации, интрига. Как показывает анализ литературных произведений, осуществленный Р.Утцем, интрига несмотря на свою рациональную природу, применима также и в сочетании с эмоциональными формами обобществления знания, то есть ее можно обнаружить и в любви, и в дружбе, и в семье. Но более всего к интриге располагает контекст политических процессов, где те или иные персоналии испытывают потребность в получении того, что им недоступно без применения интриги.

Ключевые слова: интрига, форма знания, чувственные формы знания, рациональные формы знания

Задача данной статьи состоит в том, чтобы обозначить особенности обобществления в “формах сосуществования” индивидов такого содержания, как знание, и познакомиться с одной из таких форм на основе монографии немецкого исследователя Р.Утца “Социология интриги”.

С точки зрения формальной социологии Г.Зиммеля, знание как содержание, носителями которого являются индивиды, становится социальным явлением, когда приобретает форму взаимного влияния. Взаимодействия индивидов, побуждаемых стремлением получить друг от друга сведения, в том числе научные, узнать нечто друг о друге, могут строиться на чувствен-

ной и рациональной основах. Чувственно обусловленное влечение-побуждение к знанию и взаимному влиянию, в свою очередь, оформляется в любви, в дружбе, в семейных отношениях, которые в данном контексте можно рассматривать как формы обобществления знания. Но, например, семья, построенная на браке по расчету, будет основываться в том числе и на рациональном начале. Собственно рациональные формы знания могут воплощаться в социальных группах, организациях, институтах, в том числе в таком институте, как наука, и наконец, в такой форме, как интрига, составляющая предмет нашего интереса.

Среди чувственно обусловленных форм воплощения знания *любовь* можно свести к взаимораскрытию влюбленных, в отличие от влюбленности, которая, как замечает К.Льюис, “уподобляет нас животным”: “Влюбленность вступает в человека, словно завоеватель, и переделывает по-своему все взятые земли” [Льюис, 1998: с. 132]. В случае любви чувственная расположенность друг к другу делает возможным полное и истинное знание друг о друге. Согласно дильтеевской феноменологической психологии, это объясняется тем, что познание и понимание как постижение “возникает из переживания”, в котором “взаимодействуют процессы всего душевного склада” [Дильтей, 2001: с. 48].

В *дружбе* знания друг о друге обретают специфическую форму. Дружба может распространяться на нескольких (более чем двух) людей, которых объединяет нечто особенное — школьные годы, одинаковое хобби, пережитое вместе событие и т. п. В данном случае полнота и истинность знания друзей друг о друге определяются рамками данного общего опыта.

Семья также может, согласно зиммелевской формальной социологии, рассматриваться как форма знания ее членов друг о друге и обо всем, происходящем в этой семье. Знания членов семьи друг о друге закладываются любовью, дружбой, влюбленностью и/или расчетом. Иными словами, семейная форма знания может основываться как на чувственных, так и на рациональных началах.

Рационально обусловленные формы знания можно соотнести с типами социальных организаций, взяв за основу типы организаций, предложенные Е.Донченко и А.Овчаровым [Донченко, 1998]. Четырем базовым типам организации, таким как интегративно-нормативный, дифференцированно-нормативный, интегративно-креативный и дифференцированно-креативный, отвечают различные формы знания: знания уровня научных достижений; знания членов организаций о процессах, происходящих в организованных социальных группах; знания о самих представителях этих организаций. Например, наука требует интегративно-креативного способа взаимодействия носителей данного знания. Интегративно-нормативный тип организации не способствует открытиям, творческой деятельности, поскольку строится на концентрации всей полноты информации и знаний у руководителя. Дифференцированно-нормативный тип рассчитан на использование индивидуального творчества и, следовательно, предполагает распространение знаний среди членов организации — от руководителей подразделений и до рядовых сотрудников, от которых может зависеть конкурентоспособность организации.

Одной из рациональных форм использования знания в микроинтеракции является *интрига*. Интрига строится на различиях в уровне знания ее

участников, конфликтности отношений между ними, различиях в статусном и властном потенциале индивидов. Не преуменьшая роли мотивационной составляющей, морально-нравственного содержания отношений и социально-исторического контекста, все же главным ресурсом в интриге следует признать знание. Интрига как способ межличностных отношений, в отличие от конфликта, который может иметь место и в животной среде, свойственна исключительно взаимодействиям разумных существ. При этом в интриге выгоду может получить слабый (по физическим или статусным параметрам) субъект, которому удастся прирастить свои достижения за счет преимущества в знаниях при соответствующих условиях или в определенном социальном контексте. Как считает Р.Утц, субъект, способный добыть себе блага за счет своих физических, социально-статусных или иных ресурсов, не нуждается в интриге.

Интрига как форма отношений, основанная на знаниях, обуславливает специфическое место личности в макросоциальных, институциональных процессах, когда один индивид или небольшое число лиц способны влиять на сложные макропроцессы в обществе. Именно оформление знания в интригу позволяет индивиду или микрогруппе оказывать воздействие на большие группы людей и на массовые процессы в социуме. Такое понимание интриги, основанное на микросоциологической формальной социологии Зиммеля, можно развить в рамках конструктивистской теории, в ее субъект-центрированной версии. Я предлагаю различать в социальном конструктивизме два направления: субъект-центрированное и бессубъектное [Каменская, 2009: с. 24–34]. Взгляды социологов, объединенных первой позицией по отношению к процессу конструирования и реконструирования социальной реальности, заключаются в признании того, что “человек — существо, обладающее намерениями, и он может изменять свое поведение” [Монсон, 1992: с. 424]. Отсюда следует, что идеи насчет таких изменений исходят от знающего, мыслящего субъекта. Без этого человек, не способный разобраться в происходящем, обречен быть объектом манипулирования в чужих социальных проектах и/или интригах.

Немецкий социолог Р.Утц исследует феномен интриги на основе реконструкции исторических событий в Германии 30–40-х годов XX столетия. Трагические события того периода, связанные с приходом к власти в Германии Гитлера и национал-социалистов, представлены им в плоскости осуществления интриги. Политические персоналии, которые не имели возможности самостоятельно прийти к власти, добиваются своих целей с помощью других политических персон, не осознававших тогда истинного смысла происходящих событий и совершаемых поступков. Социоисторический анализ эмпирического материала предваряет работа автора над теоретической базой и понятийным аппаратом, необходимым для исследования интриги. Предлагаемый далее фрагмент монографии Р.Утца отражает разработку авторской концепции и определение атрибутивных характеристик интриги как социального явления.

В изучении интриги Р.Утц опирается на формальную социологию Г.Зиммеля и его социально-психологические работы, посвященные разным формам антагонизма в человеческих отношениях. Это видно из названий работ, на которые ссылается современный немецкий исследователь: “Социология конкуренции” (G.Simmel (1903), *Soziologie der Konkurrenz* // Neu

Deutsche Rundschau, 14, 1009–1023); “Социология конфликта” (G.Simmel (1904), The Sociology of Conflict // American Journal of Sociology, 9); “Человек как враг. Два фрагмента из социологии” (G.Simmel (1908), Der Mensch als Feind. Zwei Fragmente aus einer Soziologie // Morgen, 2); “К психологии и социологии лжи” (G.Simmel (1992), Zur Psychologie und Soziologie der Lüge // Gesamtausgabe, Bd. 5: Aufsätze und Abhandlungen 1894 bis 1900 // Hg. von Heinz-Jürgen Dahme u. David P. Frisby. — Frankfurt a. M.); “Тайна. Социально-психологические заметки” (G.Simmel (1993), Das Geheimnis. Eine Sozialpsychologische Skizze // Gesamtausgabe, Bd. 8: Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908, Bd. II // Hg. von Alessandro Gavalli u. Volkhard Krech. — Frankfurt a. M.). Как пишет биограф Г.Зиммеля П.Хонигсхайм, творчество Зиммеля активно развивалось накануне Первой мировой войны. В Германии этот период известен как “кризис культуры”, “эпоха тайных советников”, время борьбы национал-патриотов с плутократией. Эти насущные для того времени проблемы получали освещение в работах Г.Зиммеля. Современные исследователи находят в них теоретические основы объяснения явлений, порожденных социальным конструктивизмом XX столетия.

Интрига, как показывает анализ литературных произведений, несмотря на ее рациональную природу, применима и в сочетании с эмоциональными формами обобществления знания, то есть ее можно обнаружить и в любви, и в дружбе, и в семье. Но более всего к интриге располагает контекст политических процессов, когда те или иные персоналии испытывают потребность в том, чтобы получить нечто, недоступное им без применения интриги. Способность, предуготовленность индивида к тем или иным социальным ролям — то, что обозначается как *габитус*, я предлагаю понимать как “достояние”. Данный термин можно рассматривать как русскоязычный перевод понятия “габитус”, учитывая, что “*habitus*” происходит от латинского *habere* — иметь. Например, у Гуссерля *габитус* включает комплекс содержаний, который можно обозначить как “образованность” и шире — как жизнепонимание или мировоззрение. Гуссерль даже предлагает заменить слово “*habitus*” термином “образование”. В свою очередь П.Бурдьё приводит разные толкования *габитуса*, но они больше отсылают к опыту, “практическому освоению регулярностей мира”. В “Социологии науки” он называет данным термином “интериоризованные агентами диспозиции, т. е. постоянные, устойчивые во времени способы поведения” [Бурдьё, 2001]. В “Социологии политики” *габитусом* называется то, что “формирует место обитания посредством более или менее адекватного социального употребления этого места обитания, которое он (*габитус*) побуждает из него делать” [Бурдьё, 1993]. На мой взгляд, такое определение *габитуса* по отношению к социальному статусу созвучно русскому слову “достояние”, к сожалению, переходящему в разряд архаизмов.

С точки зрения психологии важно, насколько поведение личности соответствует ее совокупному личностному ресурсу — в нашем случае “достоянию”. Например, притязания личности могут быть сбалансированными и не сбалансированными с ее “достоянием”. В последнем случае имеет место “завышенная” или “заниженная” самооценка личности, “минусовый” или “плюсовый” ресурс личности. Подобную несбалансированность, означающую, что притязания личности выше ее “достояния”, можно выразить через понятие “несостоятельности” личности. Именно такого рода “несостоятельность” толкает человека к интриге. Нередко в социально-организационной

или управленческой деятельности индивид, не обладающий достаточными способностями для того, чтоб занять ту или иную должность и статусную позицию, может прибегнуть к интриге как компенсаторному средству, искусственно создавая дефицит знания у объектов интриги.

Итак, чтобы прояснить интерпретацию феномена интриги в монографии Р.Утца, следует обратиться к области социологии знания. Современные социальные взаимодействия определяются информированностью, накопленными знаниями, отчасти вытесняющими эмоциональные компоненты из жизни людей, даже в отношениях влюбленных, супругов, друзей. В то же время специфическим образом оформленное в виде интриги знание способно компенсировать рационально мыслящему человеку недостаток дружных ресурсов, необходимых для реализации завышенных притязаний, амбициозных целей, не сбалансированных с его “достоянием”.

Источники

Бурдье П. Социология науки / П. Бурдье // Социоанализ Пьера Бурдье. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетей, 2001. — С. 47–138.

Бурдье П. Социология политики / Бурдье П. ; пер. с франц. Н.А. Шматко. — М. : Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Дильтей В. Описательная психология / Дильтей В. — М. : Современ. гуманитар. ун-т : МБА-Сервис, 2001. — 138 с.

Донченко О. Ще один метод підвищення ефективності організації / О. Донченко, А. Овчаров // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 4–5. — С. 146–159.

Зиммель Г. Проблема социологии / Г. Зиммель // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В.И. Добренкова. — М. : Издание Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. — С. 414–435.

Каменская Т.Г. Социальное знание и виртуализация социальной реальности / Каменская Т.Г. — Одесса : Астропринт, 2009. — 286 с.

Льюис К.С. Любовь / К. Льюис // Вопросы философии. — 1998. — № 8. — С. 107–146.

Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Монсон П. ; пер. со швед. А. Ливановой. — СПб. : Нотабене, 1992. — 445 с.